

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г. ¹⁾

Глава XXX.

Дгейское море шумѣло и ревѣло бурями и штормами осенняго равноденствія. Волны съ протяжнымъ стономъ, толкая другъ друга, бросались къ подножіямъ скалъ Архипелага, шептались между собой, уходили неизвѣстно куда возвращались обратно легіонами и рассказывали намъ о томъ, что слышали онѣ у береговъ европейскаго материка Турціи.

Съ воцареніемъ Абдуль-Гамида наша сконфуженная дипломатія ушла еще дальше за кулисы предестныхъ декорацій на Босфоръ. Новый султанъ также покинулъ роковую арену Дольма-Бахче, гдѣ все еще бродили, какъ ему казалось, грозные фантомы, игравшіе судьбами оттоманскаго трона, побѣдителя древней Византіи, и удалился въ Кіоскъ „Звѣзды“ ²⁾ подъ охрану албанской стражи, не довѣряя своей особы туркамъ, захваченнымъ тогда психозомъ дворцовыхъ переворотовъ. Окруживъ себя людьми, беззавѣтно ему преданными, онъ сразу выигралъ, такимъ образомъ, нѣсколько лишнихъ шансовъ противъ ночныхъ визитеровъ съ ножницами въ карманахъ...

Здѣсь будетъ кстати добавить такую интересную подробность изъ интимной жизни султана Гамида въ новой его резиденціи, служившей при Абдуль-Азисѣ лѣтней дачей и получившей свое названіе въ честь любимой его одалиски, прекрасной черкешенки „Ильдызь“. Но Абдуль-Гамидъ превратилъ это убѣ-

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1912 г.

²⁾ Звѣзда по-турецки „Ильдызь“—отсюда Ильдизъ-Кіоскъ.

жище богини любви въ сложную крѣпость, за стѣнами которой населеніе въ 15.000 человекъ окружало повелителя мусульманскаго міра.

Проникнуть за ограду этой цитадели, минуя стражу вѣрныхъ албанцевъ, не было ни малѣйшей возможности: черезъ каждые нѣсколько шаговъ стояли они за внѣшними стѣнами Ильдызъ-Кіоска; вокругъ зданій дворца и у каждой двери аппарата дежурили тѣлохранители зейбеки, арнауты, лазы, черкесы безусловно преданные до обожанія своему господину. Они также всѣми фибрами своей души раздѣляли глубокую антипатію Абдуль-Гамида къ прогрессивному Мидхатъ-пашѣ, забравшему себѣ тогда привилегію мѣнять султановъ по личному усмотрѣнію.

Если еще добавить къ сказанному, что нѣсколько сотъ евнуховъ и черныхъ рабовъ съ великолѣпно дрессированными собаками обходили дозоромъ обширные сады, окружавшіе резиденцію падишаха, то картина этого вооруженнаго лагеря говорила сама за себя. Къ тому же людямъ, о которыхъ я говорю сейчасъ, такъ хорошо платили, такъ хорошо имъ жилось подъ крыломъ намѣстника пророка на земномъ шарѣ, что мысль о предательствѣ не могла даже родиться съ ихъ стороны.

Но мятежная душа Абдуль-Гамида не знала покоя, блуждая въ области грозныхъ явленій и призраковъ убійць его дяди.

А между тѣмъ истина требуетъ сказать, что манія преслѣдованія, которой несомнѣнно былъ захваченъ Абуль-Гамидъ-имѣла свое оправданіе. Дѣло въ томъ, что по установленному обычаю оттоманскаго двора царствующій султанъ изъ предосторожности не имѣетъ постояннаго аппарата, гдѣ бы онъ спалъ и работалъ всегда, какъ обыкновенный смертный: онъ проводитъ ночь въ одной изъ комнатъ своего обширнаго дворца или въ спальнѣ у какой-нибудь одалиски, а гдѣ именно, объ этомъ знаетъ только одинъ главный евнухъ его гаремовъ.

Такого порядка держался и Абдуль-Азисъ, что однако не спасло его отъ руки предателя, открывшей двери заговорщикамъ въ роковую для него ночь 30 мая 1876 года, а иначе Редифъ-пашѣ не пришлось бы такъ легко и свободно найти свою жертву въ лабиринтахъ обширнаго зданія.

Все это было слишкомъ хорошо извѣстно Абдуль-Гамиду, и онъ принималъ мѣры, чтобы довести сложную систему охраны его личности до возможнаго совершенства.

Первые дни царствованія этого монарха были ознаменованы перемиріемъ на двѣ недѣли съ Черногоріей и Сербіей: Керимъ-

паша вернулся къ своимъ позиціямъ, а въ армію Черняева стали прибывать наши волонтеры; но Марсъ уже ковалъ другой мечъ для европейской войны на берегахъ Дуная, и „неизбѣжное должно было совершиться“, какъ увѣряли сановники Порты, когда генералъ Игнатьевъ, пользуясь временнымъ затишьемъ на Балканахъ, предложилъ разрѣшить славянскій вопросъ, не поднимая снова оружія путемъ мирныхъ соглашеній и не нарушая суверенныхъ правъ Оттоманской имперіи.

На это султанъ отвѣтилъ, что миръ онъ подпишетъ остриемъ меча въ Бѣлградѣ и на вершинѣ „Черной Горы“.

Такимъ образомъ, Блистательная Порта, чрезмѣрно увѣренная въ безкорыстную дружбу западныхъ державъ, не шла ни на какія уступки съ нашей дипломатіей, а борьба съ оружіемъ въ рукахъ во славу знамени Полумѣсяца казалась ей весьма желательной и единственнымъ выходомъ изъ критическаго положенія государства.

Тѣмъ временемъ башибузуки и черкесы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на голосъ общественной совѣсти, продолжали свою ужасную работу въ Болгаріи и Македоніи при благосклонномъ участіи авторовъ конституціи.

Тогда наша дипломатія предъявила турецкому правительству ультиматумъ, въ которомъ было заявлено требованіе отозвать съ театра возстанія Малоазіатскіе редифы, совершавшіе злодѣянія надъ мирнымъ населеніемъ Балканскихъ вилайетовъ.

Документъ этотъ прочитали тамъ, гдѣ слѣдовало, а затѣмъ, вѣроятно, бросили въ корзину подъ столъ — съ нами тогда не церемонились...

Чтобы задержать движеніе турецкой арміи къ Бѣлграду и, такимъ образомъ, подойти вплотную къ рѣшенію вопроса о мирѣ, генералъ Игнатьевъ кончилъ тѣмъ, что пустилъ въ ходъ угрозу покинуть территорію Оттоманской имперіи, а для апофеоза своего ультиматума перебрался даже на стаціонеръ, какъ бы отплывая въ Россію. Но вся шумиха эта ровно ничего не измѣнила въ планахъ и комбинаціяхъ тѣхъ, кто безъ всякихъ церемоній тащилъ насъ къ берегамъ Дуная съ тѣмъ, чтобы трофеи побѣдителя, кто бы онъ ни оказался, раздѣлять между собой, такъ какъ прежде всего обѣ зачинщицы, поднявшія знамя возстанія, Боснія и Герцоговина, чрезвычайно нравились „рыжему швабу“¹⁾. Мы теперь это знаемъ, но въ

¹⁾ Австрія.

тѣ времена роль Австріи была какъ-то затушевана, и наша дипломатія не совсѣмъ понимала ее. Это фактъ, и къ нашему глубокому прискорбію онъ существовалъ.

Впрочемъ, я должна здѣсь оговориться: вся бѣда заключалась въ томъ, что не понималъ ее главный руководитель нашей политики, свѣтлѣйшій князь Горчаковъ, а тамъ на мѣстѣ все-таки разбирались кое-какъ въ потемкахъ этой дипломатической комедіи на берегахъ Босфора.

Для иллюстраціи сказаннаго достаточно будетъ, если я передамъ здѣсь мои воспоминанія объ одномъ великосвѣтскомъ раутѣ, гдѣ присутствовали и наши посольскіе чиновники.

Въ началѣ августа 1876 года, въ тревожные и смутные дни царствованія Мурада, мы были въ Константинополѣ. Эта повѣдка уже описана мною въ XXIV главѣ настоящей книги, а теперь я снова возвращаюсь къ ней.

Лѣтній сезонъ продолжался: въ роскошныхъ вилахъ—дворцахъ европейскихъ посольствъ танцевальные вечера, рауты смѣнялись на утро блестящими кавалькадами за городъ, веселыми экскурсіями на Малозіатскій берегъ и другими затѣями великосвѣтскаго общества.

Въ число „избранныхъ“ попали и мы, какъ принадлежавшіе къ семьѣ дипломатическаго корпуса, и, такимъ образомъ, я была на раутѣ французскаго посла графа Боргоенъ.

По роскошной анфиладѣ комнатъ, ярко освѣщенныхъ огнями люстръ и кенкетовъ, двигалась нарядная толпа гостей: дамы въ шикарныхъ туалетахъ; морскіе офицеры, расшитые мундиры турецкихъ пашей, ихъ адъютанты, изъ которыхъ многіе были польскіе эмигранты и венгерцы; знатные иностранцы-туристы, а также мѣстные богачи-коммерсанты и банкиры. Здѣсь же проводили время въ интимныхъ бесѣдахъ съ дипломатами Мидхадъ, Саффетъ, Рушди, Эдхемъ, Нури, Серверъ-паши и другіе, имена которыхъ ежедневно украшали столбцы газетъ всего міра.

Но центромъ вниманія общества служилъ Гобартъ-паша, чистокровный англичанинъ, приглашенный послѣ Крымской войны командовать турецкимъ флотомъ. Въ расшитомъ золотомъ мундирѣ, въ малиновой фескѣ на головѣ, какъ всѣ иностранцы, состоявшіе на службѣ у Оттоманскаго государства, адмиралъ показался мнѣ сначала даже комичнымъ въ своемъ недосыгаемомъ величіи: прямой, какъ палка, скрестивъ руки на груди и не сгибая колѣнъ, онъ двигался между нами, точно

статуя командора, вызванная Донъ-Жуаномъ на пирь къ живымъ людямъ.

Меня окликнулъ дядя именно въ тотъ моментъ, когда я съ исключительнымъ вниманіемъ разсматривала фигуру турецкаго адмирала, о которомъ Стамбульская пресса говорила, что онъ разнесетъ нашъ флотъ въ пухъ и прахъ, если Россія объявитъ войну имперіи падишаха.

— Marie зоветъ тебя—не хочешь ли закусить? — спросилъ дядя,—идемъ въ буфетъ: мы тамъ своей компаніей заняли отдѣльный столикъ.

Я послѣдовала за нимъ. Въ обширной галлерей дворца куда мы вошли, былъ сервированъ холодный ужинъ à la fourchette. За однимъ изъ столовъ, убранныхъ вазами съ цвѣтами и фруктами, сидѣла моя тетушка Marie, Ону съ женою, Макѣвъ, attaché посольства Гриневъ и какой-то сильный брюнетъ греческаго типа, Аристархъ Варваца, какъ мнѣ называли его. Я заняла мѣсто рядомъ съ госпожей Ону и вся обратилась въ слухъ, такъ какъ собесѣдники передавали другъ другу очень интересныя новости; но больше всего говорили о Мидхатъ-пашѣ.

— Въ концѣ концовъ онъ сломитъ себѣ шею на этихъ авантюрахъ, — продолжалъ Ону: — „турецкая республика“ и Мидхатъ—президентъ?!

— А кто же будетъ замѣщать „пророка“ на землѣ? Кто, будетъ калифомъ?—улыбаясь, спросилъ дядя.

— Почему и не такъ?! Вспомните сказку Шехерезады „Калифъ на часъ“,—возразилъ Гриневъ.

— Неужели онъ зашелъ такъ далеко?—спросила Marie, въ тонѣ грустнаго недоумѣнія.

— Ну, а какъ онъ устроилъ бы дѣло съ „тѣнью Аллаха“, которой полагается лежать только на лицѣ падишаха?! — задорно перебилъ Гриневъ съ громкимъ смѣхомъ.

— Ахъ! онъ такой ловкій дипломатъ, — подалъ реплику всегда остроумный Макѣвъ, — ну, отразить ее на собственной физиономіи—вотъ и все!..

— Нѣтъ, до президентства ему не дойти,—убѣжденно заговорилъ серьезный Ону:—а что конституція будетъ подписана—это вѣрно и очень даже скоро...

— А! Максимовъ и Вурцель! надо пригласить ихъ въ нашу компанію — не правда-ли? — обращаясь къ намъ, спросилъ Гриневъ, замѣтивъ въ толпѣ передъ однимъ изъ буфетовъ своихъ

товарищей. И онъ еще разъ окликнулъ ихъ. Оба подошли къ нашему столу и усѣлись за нимъ.

— Откуда такъ поздно?—спрашивали ихъ.

— Катались по Босфору,—угрюмо отвѣтилъ желчный Максимовъ, видимо чѣмъ-то раздраженный. За то веселый, жизнерадостный Д. Вурцель такъ и сіялъ улыбками. Онъ принесъ въ своихъ карманахъ цѣлую коллекцію памфлетовъ и каррикатуръ, перлы остроумія левантійской печати, гдѣ каждая строка дышала злобой на Россію, и гдѣ рассказывали невѣроятныя вещи о „Московскомъ правительствѣ“.

— Ну, и гадость какая!—закипѣлъ негодованіемъ маленькой, живой, какъ ртуть, П. Б. Максимовъ, картавя и дѣлая энергичные жесты, при чемъ нѣсколько листовъ полетѣли со стола. Интересно было бы знать,—продолжалъ онъ угрюмо,—кто страшаетъ всю эту мерзость?..

— Ахъ, какая наивность!—перебилъ Вурцель,—точно не знаете?

— Положимъ, что знаю!—согласился Максимовъ,—а все-таки не могу заставить себя думать иначе—мерзость и подлость!..

— Никто и не собирается оспаривать ваши афоризмы, отвѣтилъ Макѣевъ:—подлость, какъ ни рассматривай ее, хотя бы въ микроскопъ, тѣмъ не менѣе останется подлостью..

— Нѣтъ! нѣтъ!—какъ бы продолжая свою мысль, говорилъ Максимовъ,—такъ нельзя: съ нашимъ Горчаковымъ мы далеко не уйдемъ: это чловѣкъ фразы и безграничнаго самообожанія..

— „La Russie ne boude pas, mais se recueille“—что можетъ быть эффектиѣ?!—добавилъ Гриневъ, дѣлая серьезное лицо, тогда какъ ему хотѣлось смѣяться и шутить.

— Да, дѣйствительно, на эффектахъ далеко не уѣдешь,—замѣтилъ Ону,—а какъ обидно сознавать, что эти трескучіе, свѣтовые эффекты не даютъ хода серьезной работѣ здѣсь и приходится только лавировать. Но истина въ томъ, что теперь всѣ дороги ведутъ не въ Римъ, какъ говорили прежде, а въ Берлинъ, именно въ Берлинъ, господа,—подчеркнулъ онъ, замѣтивъ на лицахъ собесѣдниковъ нѣмой вопросъ, такъ какъ германскаго вліянія на зыбкой почвѣ Балканскаго вопроса въ тѣ времена не существовало.

— Въ Берлинъ?!—повторилъ какъ эхо Варваца, мѣстный уроженецъ и владѣлецъ обширныхъ факторій въ Малой Азій. Видимо ему доставляло большое удовольствіе то обстоятельство, что онъ, простой коммерсантъ, и вдругъ попалъ въ сферу закол-

дованнаго круга посольскихъ чиновниковъ, съ которыми можно было вести бесѣду, какъ съ обыкновенными людьми.

— Вѣроятно, мнѣ такъ кажется, извините пожалуйста, вы хотѣли сказать, что всѣ дороги ведутъ теперь въ Лондонъ, а не въ Берлинъ?—смущаясь, говорилъ онъ,—я, напимѣрь, не вижу здѣсь ни одного нѣмца, за исключеніемъ барона Вертера, германскаго посла и его штата, а въ Малой Азіи у насъ даже не имѣютъ о нихъ понятія—знаютъ, что Бисмаркъ взялъ Наполеона III въ плѣнъ—только и всего...

— Только и всего?—безстрастно повторилъ Ону и обратился къ дядѣ съ какимъ-то вопросомъ о Хіосѣ. Между ними завязался дѣловой разговоръ, а я принялась за газетные листки, принесенные Вурцелемъ.

— Ну, вотъ и наши старые знакомые!—передавая мнѣ одинъ изъ рисунковъ, хохоталъ Гриневъ, и такъ громко, что всѣ находившіеся за другими столиками, поворачивали головы въ нашу сторону.

— Вѣроятно „le knout, les cosaques“?—улыбаясь, спросила моя тетушка.

— Нѣтъ! нѣтъ! здѣсь уже вариантъ—не угодно ли!—отвѣтилъ ей Гриневъ, указывая на изображеніе фигуръ кн. Горчакова, Биконсфильда и Андраши...

Правда, и обидно казалось намъ все это, а тѣмъ не менѣе нельзя было также и не сказать, что въ иллюстраціи, о которой идетъ рѣчь, нашъ блистательный князь находилъ себѣ вѣрное отраженіе.

Исторія уже давно нарисовала его портретъ; но тогда въ дипломатическихъ кругахъ о немъ рассказывали много анекдотовъ. О Бисмаркѣ, напимѣрь, какъ говорили въ посольствѣ, онъ выражался такъ: „ахъ, этотъ шутъ гороховый—я ему покажу, гдѣ раки зимуютъ“. Или еще: „я далъ понять этой нѣмецкой колбасѣ, что ему ровно нечего дѣлать на Балканахъ—онъ знаетъ, что со мной шутки плохи“... Къ несчастію, на Берлинскомъ конгрессѣ ему пришлось говорить „съ нѣмецкой колбасой“ уже другимъ языкомъ...

Соль карикатуры заключалась въ томъ, что за спиной вѣнскаго дипломата сидѣлъ Бисмаркъ и показывалъ оттуда Горчакову популярную въ нашемъ житейскомъ обиходѣ комбинацію изъ трехъ пальцевъ, а внизу, подъ фигурой „великолѣпнаго князя“ стояло знаменитое его изреченіе: „и эти пигмеи воображаютъ себѣ, что могутъ провести меня“!..

— Австрія, собственно говоря, большая дура!—разсматривая картинку, сказалъ Максимовъ:—она не замѣчаетъ даже, что на ея плечахъ ѣдетъ къ Средиземному морю самъ господинъ Бисмаркъ, а не генералъ Игнатьевъ, какъ мерещится ей во снѣ и на яву...

— И охота же вамъ, господа, заниматься политикой?—окликнула насъ проходившая мимо хозяйка дома, графиня Боргоэнь:—будемъ лучше танцовать, а міровые вопросы оставимъ пока до времени...

— Вы правы, какъ и всегда, графиня, — отвѣтилъ ей Макѣевъ.

Она улыбнулась и граціознымъ жестомъ руки пригласила насъ слѣдовать за ней.

Стеклянная веранда, куда мы вошли, была освѣщена цвѣтными фонарями, музыка гремѣла и пары кружились, словно мотыльки вокругъ огня.

Глава XXXI.

Вслѣдъ за окончаніемъ перемирія Абдуль-Гамидъ снова двинулъ свою армію въ предѣлы Сербіи и Черногоріи: Керимъ-паша развернулъ наступательныя дѣйствія къ Алексинацу, а затѣмъ уже ничто не могло остановить его побѣдоноснаго шествія на столицу князя Милана.

Такъ закончилась первая глава исторіи царствованія Абдуль-Гамида, а слѣдующая за ней уже обнимаетъ эпоху дарованной имъ конституціи и паденія всемогущаго диктатора Мидхатъ-паши.

Но такъ какъ я веду рассказъ о своихъ чисто субъективныхъ впечатлѣніяхъ, то оставляю пока арену борьбы на Балканахъ и возвращаюсь опять въ Хіосъ, откуда и пришлось наблюдать ходъ міровыхъ событій до момента объявленія нами войны Турецкой имперіи.

Послѣ раута у Кіамиль-паши въ честь воцаренія Абдуль-Гамида, а именно на другой день, въ понедѣльникъ утромъ, меня разбудили и передали записочку отъ Элиме съ такимъ содержаніемъ: „Вчера мы только смотрѣли издали, какъ веселились франки, а сегодня паша разрѣшилъ и намъ устроить пирушку въ гаремѣ для нашихъ друзей, въ числѣ которыхъ просимъ и васъ пожаловать къ намъ—будетъ музыка и танцы баядерокъ. Гости соберутся къ 5 часамъ, но если вы придете раньше; то я сообщу вамъ „удивительную новость“, о которой еще никто пока не знаетъ“...

— Вѣроятно, какая-нибудь сплетня,—думала я, читая эти строки и раздражаясь противъ ихъ автора:—ну, чѣмъ она можетъ удивить меня, когда все уже сказано и все рѣшено безповоротно...

Тетюшка моя получила отдѣльное приглашеніе; но, чувствуя себя не совсѣмъ хорошо, она уполномочила меня замѣнить ея особу на раутѣ у губернаторши. Я не заставила себя ждать и къ назначенному времени была уже въ гаремѣ.

— Бѣдный, бѣдный ягненочекъ! Значить, такова священная воля Аллаха!—говорила нараспѣвъ красавица Ашима, обмѣниваясь со мной привѣтствіями.

— Въ Коранѣ сказано, что Аллахъ не любитъ франковъ,—угрюмо добавила толстая Базя:—вотъ оно такъ и случилось!..

— Не всѣхъ, не всѣхъ!—возразила ей добродушная Лазя.

— Ну, конечно, не всѣхъ, а только злыхъ и обманщиковъ,—подтвердила Ашима.

— Да въ чемъ дѣло? что случилось? Элиме, вы писали мнѣ о какой-то „удивительной новости?“ улыбаясь, спрашивала я съ дѣланнымъ равнодушіемъ, чтобы не дать ей замѣтить моего волненія.

— А! вамъ кажется смѣшно?!—блеснувъ на меня своими хищными глазами, отвѣтила она:—ну, вотъ увидимъ дальше, какъ-то вы будете смѣяться?!

— Тогда скажите въ чемъ дѣло, а затѣмъ уже торжествуйте побѣду,—возразила я.

Ашима, укоризненно взглянувъ на меня, покачала своей прелестной головкой,—видимо ей хотѣлось что-то объяснить мнѣ,—но Элиме перебила:

— Если бы вы поменьше ломались и не важничали бы такъ, не скрывали вашихъ секретовъ отъ меня, то, конечно, все уже давно было бы устроено! А теперь,—продолжала она въ тонѣ судьи, облеченнаго властью карать и миловать,—вамъ придется „собрать жатву послѣ бури“¹⁾, такъ какъ вашъ прекрасный бей на дняхъ увѣжаетъ въ армію, и только одному Аллаху извѣстно, какъ тяжело мнѣ будетъ, если вы умрете отъ горя...

— Напрасно беспокоитесь!—былъ мой отвѣтъ,—умирать, какъ видите, еще не собираюсь! А о томъ, что Тафти-бей уѣдетъ на Балканы, я уже знала вчера...

Это несказанно озадачило турчанокъ:

¹⁾ Турецкая поговорка.

— Что-о-о?! что вы сказали?!—протянули онѣ и какъ на пружинахъ завертѣлись вокругъ меня.

Я повторила мои слова.

— Нѣтъ! вы не могли этого знать вчера, такъ какъ бумага изъ Константинополя получена сегодня утромъ,—теряясь въ догадкахъ, возражала Элиме.

— Да! вы не могли знать этого,—робко подала свой голосъ Ашима.

— Здѣсь что-то другое?!—размышляла моя турецкая подруга:—или вы гадали на картахъ и узнали, или же вамъ приснилось, какъ тогда, передъ затменіемъ луны?..

— Ай, какъ страшно—она колдуетъ опять!—прошептала за моей спиной толстая Базя и шарахнулась въ сторону.

— Нѣтъ, зачѣмъ приснилось!—еле сдерживая себя, чтобы не расхохотаться, говорила я,—у насъ есть такая книжка и по ней можно читать будущее...

Турчанки боязливо переглянулись между собой.

— А! календарь!—нашлась моя собесѣдница,—вотъ откуда вы узнали... но тамъ пишутъ ученые?—презрительно добавила она.

— Нѣтъ, другая!—возразила я этой дѣвицѣ, для которой слово „ученый“ было синонимомъ дьявола,—и называется она астрологіей...

— Чего только на свѣтѣ не бываетъ по волѣ Аллаха и его пророка,—отозвалась губернаторша, лишь бы сказать что-нибудь пріятное своей гостьѣ; но Элиме не сдавалась еще:

— Астрологія?.. астрологія?—повторяла она, какъ бы не довѣряя, что такое мудреное слово могло существовать на человѣческомъ языкѣ:—дѣйствительно, по волѣ Аллаха и камни говорятъ—въ Коранѣ я сама читала объ этомъ... Значить, и моя судьба написана въ астрологіи?..

— Ну, да!—подтвердила я, забавляясь ея невѣроятной глупостью,—и ваша такъ же, какъ и всѣхъ людей...

Она хотѣла что-то сказать или спросить, но ее перебили: евнухъ распахнулъ двери, и вошла дама безъ яшмака на лицѣ—слѣдовательно, христіанка.

Вся комната вдругъ огласилась шумными восклицаніями на арабскомъ говорѣ; обѣ хозяйки дома бросились обнимать,

цѣловать ее, точно она свалилась къ нимъ прямо съ неба, а невольницы прикасались губами къ ея платью и визжали отъ избытка чувствъ.

— Это подруга матери нашей ханумъ,—возвращаясь ко мнѣ, рассказывала Элиме,—она такая же франка, какъ и вы, а мужъ ея, военный докторъ. Они пріѣхали изъ Алеппо, а теперь будутъ жить здѣсь. Мы очень любимъ Атину—она добрая, хорошая!..

— Вотъ какъ?! мужъ этой дамы турокъ?—сорвалось у меня невольно громкимъ восклицаніемъ...

--- Нѣтъ: Даула-эфенди французъ и жена его также—разсѣянно отвѣтила турчанка, видимо уклоняясь отъ дальнѣйшихъ разспросовъ, тогда какъ мнѣ, наоборотъ, хотѣлось еще поговорить на эту тему.

— Даула?—переспросила я,—а какъ зовутъ его?

— Измаилъ-эфенди,—отвѣтила она.

— Имя и фамилія чисто арабскія,—возражала я.

— „Даула“, на этомъ словѣ каждый французъ вывернетъ себѣ языкъ.

— А это потому такъ случилось,—убѣжденно сказала она,—что оба они, мужъ и жена, родились въ Сиріи и тамъ заставили ихъ принять греческую вѣру отъ патріарха...

— Ай,—какіе анекдоты рассказываете вы, Элиме!—не сдерживая громкаго смѣха, перебила я:—впрочемъ, не все ли равно, что они вдругъ оказались „православными французами“ Даула—тѣмъ лучше для нихъ...

Но я не договорила мысли: въ томъ моментъ забѣгали евнухи и рабыни, двери распахнулись, и въ рамкахъ ихъ обрисовались фигуры турецкихъ дамъ, закутанныхъ въ широкіе плащи и въ бѣлыхъ яшмакахъ на лицахъ. Элиме пошла встрѣтить ихъ, и, такимъ образомъ, рауть былъ открытъ.

Тогда началась церемонія „Селяма“ по всѣмъ правиламъ восточнаго гостепрѣимства: хозяйки говорили изысканные комплименты, а имъ отвѣчали изреченіями изъ Корана съ призываніемъ имени пророка и его благословенія.

А тѣмъ временемъ, пока моя собесѣдница еще не вернулась ко мнѣ, я пользуюсь этими минутами, чтобы передать здѣсь краткую исторію четы Даула, такъ какъ для наблюдателя она характерна сама по себѣ.

Оба, мужъ и жена родились отъ чистокровныхъ сирійскихъ арабовъ, которыхъ называютъ въ отличіе отъ африканскихъ „бѣлыми арабами“. Стараніями нашихъ миссіонеровъ въ Палестинѣ, дѣти ихъ были обращены въ православіе и посѣщали греческія школы.

По просьбѣ отца, мальчика назвали Исмаиломъ, а дѣвочкѣ дали самое популярное у грековъ имя „Аеины“. Затѣмъ, Исмаиль выросъ и, окончивъ курсъ наукъ медицинской школы въ Каирѣ, поступилъ на службу къ хедиву. Но случилось такъ, что онъ не угодилъ кому-то при дворѣ, и ему пришлось вернуться домой, въ свой родной городъ Алеппо, гдѣ онъ и женился на Аеинѣ.

Благодаря протекціи какого-то греческаго милліонера ему было предложено вакантное мѣсто доктора въ Хиосской цитадели.

Супруги Даула отрицали свою арабскую родословную и называли себя французскими эмигрантами, не имѣя на то ни малѣйшаго права.

Такимъ образомъ получился анекдотъ; но мои герои не замѣчали его. Впрочемъ они не составляли исключенія: сирійскій арабъ никогда не скажетъ иностранцу о своемъ кровномъ родствѣ съ Востокомъ, а непременно укажетъ на западъ...

Церемоніаль привѣтствій былъ законченъ: мнѣ также наговорили очень много хорошихъ вещей, а затѣмъ Элиме увела меня въ сторону и мы усѣлись рядомъ, какъ добрыя подружки.

— Вотъ теперь мы однѣ и будемъ говорить, не стѣсняясь,— предложила она въ тонѣ благодушнаго настроенія. Но мнѣ становилось не по себѣ.

— Скажите мнѣ, какъ другу, правда ли, что и вы также уѣзжаете изъ Хиоса?—продолжала она съ лукавой усмѣшкой.

Меня охватилъ ужасъ, и я растерялась. А между тѣмъ отвѣчать надо было. Но хитрое созданіе, такъ ловко загнавшее меня въ тупикъ, уже летѣло, закусивъ удила, къ намѣченной цѣли, не ожидая признанія съ моей стороны:

— Вотъ и прекрасно!—говорила она въ тонѣ побѣдителя,— мы это устроимъ.—Атина обѣщала мнѣ свою протекцію, и мы увеземъ васъ къ Тафти...

— При чемъ она здѣсь?!—только и наплась я сказать.

— Ну, тогда увидите!—подала она реплику и умчалась на крыльяхъ за предѣлы фантазіи.

Въ жестокой тревогѣ я не слушала ее и ломала себѣ голову надъ тѣмъ, какъ выйти изъ положенія, созданнаго вокругъ меня турчанкой.

— А моя судьба также записана въ книгу, о которой вы рассказывали?—прозвучалъ нѣжный голосъ, точно флейта дивной симфоніи.

— Вотъ куда она ведетъ!—мелькнуло у меня въ головѣ.

— Но какъ извернуться тутъ? Что придумаешь?...

Впрочемъ... И я рѣшилась, какъ зарвавшійся игрокъ, на послѣднюю ставку:

— Ну, конечно, и ваша также,—съ апломбомъ заговорила я, въ то же время уклоняясь отъ ея объятій, съ которыми она кинулась было ко мнѣ:—а если хотите узнать, какая она будетъ дальше, то скажите мнѣ, подь какой звѣздой вы родились—вотъ и все.

Вопль горестнаго разочарованія былъ отвѣтомъ на мою импровизацію:

— Подь какой звѣздой я родилась?!.. Аллахъ! откуда мнѣ знать—моя мать давно умерла!..

Но меня осѣнила еще другая мысль, на которой я и остановилась:

— Успокойтесь, дорогая Элиме!—продолжая играть роль ясновидящей,—сказала я:—мы найдемъ вашу звѣзду, но при одномъ условіи...

— Какое? — какое? — я готова на всѣ жертвы, лишь бы найти ее!—былъ отвѣтъ.

Здѣсь нервная энергія стала покидать меня: еще моментъ, и она поняла бы мою игру; но, преодолевъ себя, я договорила серьезно:

— А! въ такомъ случаѣ поклянитесь мнѣ Кораномъ, что на время, пока я буду искать звѣзду, вы ни разу не произнесете моего имени, ни съ кѣмъ не будете говорить о моихъ дѣлахъ, ни писать мнѣ—словомъ, вамъ придется какъ бы забыть о моемъ существованіи, а иначе нельзя, и такъ сказано въ этой книгѣ. А теперь выбирайте!

Минуту, другую она колебалась, такъ какъ задача, предложенная ей, была не изъ легкихъ по ея темпераменту:

— А какъ долго это протянется?—спросила она.

— Ну, недѣли двѣ, три не болѣе,—сказала я.

— Хорошо! завтра приходите опять, а сейчасъ неудобно,— отвѣтила хитрая турченка, видимо желая отдалить часъ испытанія.

— Нѣтъ! нѣтъ! сію минуту, перебила я:—завтра будетъ уже поздно, такъ какъ оборвется нить, которая связываетъ меня съ вашей звѣздой.

Это подѣйствовало на нее: уже безъ всякихъ колебаній и уловокъ она произнесла формулу клятвеннаго обѣщанія и, такимъ образомъ, моя тайна была ограждена.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

